

О детском увлечении огнестрельным оружием, учебе в Институте востоковедения и командировке в Дамаск

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1593>

30 апреля 2013

Собеседник

Батурин Глеб Николаевич

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 30 апреля 2013 и опубликована 23 января 2014.

Введение

В первой беседе доктор геолого-минералогических наук Глеб Николаевич Батурин рассказывает о жизни в довоенной Москве и своем детстве в доме, построенном для сотрудников НКВД. Когда рассказчику было двенадцать лет, он получил тюремный срок за то, что незаконно владел огнестрельным оружием, однако был освобожден по амнистии в зале суда. Впоследствии это стало препятствием при поступлении в вуз. В конце концов ему удалось поступить в Институт востоковедения, где помимо учебы молодой ученый увлекся профессиональным альпинизмом. Завершается беседа рассказом о неудачной командировке в Дамаск после окончания института и о новой командировке, связанной с началом Суэцкого кризиса.

Беседа записана в рамках совместной исследовательской программы Фонда «Устная история» и Нефтегазового центра МГУ.

Юрий Вадимович Самодуров: У нас сегодня первая встреча с Глебом Николаевичем Батуриным, доктором геолого-минералогических наук, главным научным сотрудником Института океанологии РАН. Мы сидим у него в кабинете. И как это обычно бывает, мой первый вопрос: расскажите о своем детстве, когда родились, кто были папа и мама, как выросли, где росли, в каких условиях.

Глеб Николаевич Батурин: Родился я 14 декабря 30-го года в Москве, в семье военнослужащего. Мать работала когда-то учительницей на Алтае, в старообрядческом селе, учила детей грамоте. Но потом родственники написали в 19-м году из Москвы, что жизнь вроде налаживается, и она сюда вернулась. По происхождению родители матери официально были крестьяне, но на самом деле дед был столяр и плотник. Жили они в Белостоке, тогда это была Российская империя. После Гражданской войны [эта территория] отошла к Польше, потом после Великой Отечественной снова была присоединена к России, к Советскому Союзу, теперь опять отошла к Польше. В общем, жизнь там была сложная. Когда немцы наступали на Западном фронте в Первую мировую войну, вся семья переехала в Москву. Но когда война кончилась, старшие вернулись домой, а моя мать и ее сестры остались. Вернувшись [в 1919 году] в Москву, она поступила работать — тогда, по-моему, это называлось ВЧК, — секретаршей. Отец мой воевал в Первую мировую, попал в плен, по-моему, в Мазурских болотах, в Германии...

Ю.С.: Он был солдат, офицер?

Г.Б.: Солдат, артиллерист... Из плена он дважды бежал. Его оба раза поймали и отправили на шахту, в Рур. Там военнопленные вместо лошадей катали вагонетки с углем.

После окончания войны и революции в Германии пленных отпустили. Он приехал в Москву, пытался найти работу. Работы нигде не было. У него был хороший голос, и вздумалось ему пойти в Большой театр. Он пришел на Театральную площадь и увидел там объявление, что принимают молодых рабочих и крестьян в специальный орган по очистке Революции от скверны, называется ВЧК. И всем, кто поступит, будут выдавать продовольственный паек. И он туда попал. И работал сначала по бандитским делам, куда-то в Поволжье его посылали с другими сотрудниками. А потом, поскольку он был, в отличие от многих своих соратников, человеком честным, как его воспитывали в семье многодетной, таким он и был, — его взяли в финансовый отдел, он там работал бухгалтером.

Ю.С.: Это страшно интересно, что так можно было попасть. Они же не были членами партии?

Г.Б.: Конечно нет! Мой отец никогда не был членом партии. Он не вступал в партию, потому что его родители были из зажиточных крестьян. Многодетная семья, по-моему, восемь человек было у него братьев и сестер, но отец был не бедняк. И в партию он даже не пытался вступать. Кроме того, когда предлагали дачный участок, он его не взял, потому что боялся, что скажут: «Вот, опять к земле потянуло».

А мать тоже была беспартийная. После того как у нее родился я, второй ребенок, она ушла с работы и оставалась домохозяйкой. Потом стала работать только во время войны. Войну мы провели в Москве...

Ю.С.: Я прошу прощения, немножко, а папа с мамой там познакомились, на работе?

Г.Б.: Да-да. У моей матери это был второй муж. Первый муж работал там же, его застрелили у нее на глазах.

Мать мечтала, чтобы я стал музыкантом. С большим трудом купили какое-то старое фортепьяно, и я тренькал на этом фортепьяно с большим напряжением сил, поскольку во дворе играли мальчишки в футбол или войну, а я вынужден был разучивать гаммы, всякие этюды и прочее-прочее. Слух у меня был хороший, успехи были налицо, но меня это ужасно тяготило, для меня это была каторга.

Довоенные воспоминания

Ю.С.: А где вы жили?

Г.Б.: Жили мы сначала в коммунальной квартире на Большой Дмитровке, в старом доме. Коммунальная

квартира была огромная, комнат, по-моему, пятнадцать. И у нас там было две комнатенки. Но где-то в 36-м или 37-м году построили новый дом, и там нам дали отдельную квартиру. И жило нас четверо: отец, мать и двое детей.

Ю.С.: Это на какой улице, не помните?

Г.Б.: Это Большой Комсомольский переулок, ныне Златоустовский, как он был раньше — Златоустовский.

”

Во дворе, вернее рядом с домом, была церковь. На моих глазах ее рушили, и мальчишки собирали там какие-то обломки церковной утвари, помню. И когда подвал вскрыли, там оказались захоронения, черепа гоняли по двору. Но потом все это расчистили.

В общем, это был дом сотрудников НКВД, и во дворе вся ребятня была — дети этих сотрудников. Иногда там появлялись экзотические ребенки, которые с родителями возвращались из заграничных поездок. Они были одеты летом в короткие штанишки, что страшно нас удивляло, у них были очень красивые игрушки.

Потом начались репрессии, и добрая половина дома опустела. Помню, был у нас там один мальчик. Его звали Роберт, мы его звали, естественно, Роба. У него была мартышка на тесемочке, которую дергали, и мартышка лезла по веревке вверх. Потом такие мартышки появились лет через сорок у нас. И были у него машинки красивые. А потом он исчез. И я помню, как подъехал грузовик, и из их квартиры вытаскивали вещи, все это складывали на грузовик. Последним вынесли клетку с попугаем, и мы кричали: «Попка — дурак». А он отвечал: «Попочка», — поправлял нас. Машина уехала, в квартиру потом кого-то... Она пустовала, потом кого-то вселили.

Потом начались эти знаменитые годы: 37-й, 38-й, когда дом опустел. Отец неделями не приходил, никто не знал, придет ли. И от всех этих неприятностей, поскольку ближайшие друзья пропадали и родственники, его хватил удар. Его разбил паралич где-то летом, в конце 40-го года. И он так и остался недвижим на долгие пять лет. Всю войну мы оставались в Москве. Жители нашего этого дома почти все исчезли во время великой паники в октябре 41-го. Мы, естественно, остались, нам двигаться было некуда, потому что отец лежал недвижим. Потом на нашем доме установили зенитки, а нас всех переселили в пустующие квартиры на Мещанке.

”

Там в 41-м году не было воды, не было отопления, но зато был газ. И мы жили в коммунальной квартире, на плиту ставили кирпичи, они накалялись, и на этом мы держались.

Ю.С.: Ну, это вы как-то очень быстро идете. Это страшно интересный период, до войны. Во-первых, вы в школу пошли. Во-вторых, сама атмосфера, это тоже интересно. Среда, я не знаю, какие-то интересы. Куда-нибудь вас водили, в зоопарк, допустим.

Г.Б.: Да, мать пыталась нам дать образование. В ее семье было семь сестер и один брат. И родители каким-то образом сумели всем дочкам дать образование. А мать была младшая, и на нее денег не хватило. Она в младших классах гимназии училась, а потом возможности такой не было. Но она купила толстые книги, по-моему, три тома, которые назывались «Гимназия на дому». И там были все предметы, включая Закон Божий. И математика, и история, и многое другое. И с этими книжками она в 18-м году уехала на Алтай, и там детям преподавала именно по этим книгам. Так что мать очень ценила образование и пыталась детей приучить и к чтению и к труду.

Меня водили в Большой театр. Я помню «Сказку о царе Салтане». И на оперу. Оперы мне были, правда,

тяжеловато слушать — уж очень долго приходилось сидеть на месте. Но к чтению я, естественно, приохотился.

Ю.С.: А дома какие-то книжки были?

Г.Б.: Книжки у нас были. Мать покупала. Я помню, был десяти томник Брема, толстые тома с золотым обрезом на прекрасной бумаге с прекрасными картинками. Много лет спустя, когда был в экспедиции... Это была кольцовская экспедиция с базой в Ессентуках, насколько помню, но в полевых условиях — там была большая партия геологическая. У них была библиотека. И там я взял книгу Брема, воспоминания о его путешествиях. И впервые узнал, что Брем сам очень много путешествовал, не однажды бывал в Африке, там огромное количество приключений с ним было, он выучил арабский язык, общался с местным населением в Египте и Судане. И очень много интересного я узнал не только о зверях, но и о людях именно от Брема. Так что читал я много, а когда зимой 41-го года не было электричества, я читал при свечке. И тогда же испортил зрение, потому что когда свечка догорала, я клал туда спички, в оставшийся парафин, поджигал их и при этом мерцающем свете читал. Потом обнаружилось, что я стал плохо видеть.

Ю.С.: А родственники у родителей в Москве были?

Г.Б.: У матери и отца было много родственников, с обеих сторон человек по восемь. Но с родственниками отца мы общались мало, потому что отец крайне редко бывал доступен. Если собирались изредка, это обычно кончалось пьянкой. То есть и начиналось, и кончалось. А родственники матери — это все были мои тетки. Они к нам часто приходили, потому что у нас у единственных была отдельная квартира. Тетки все были стряпухи искусные, они пекли пироги, делали польские всякие блюда с рыбой. Я уж не помню эти все названия, но говорили они по-польски. Я сам не говорил, но все понимал. И когда начался 37-й год, тетки шушукались, говорили по-польски, но я понимал, что того-то взяли, и того, и... был у меня... отец моего двоюродного брата, Кондратьев, был штабс-капитаном царской армии, а потом командиром полка Красной Армии. И он был Георгиевский кавалер, и в Георгиевском зале Кремля на стене есть его имя. В 37-м его взяли, отец колоссальные усилия приложил, чтобы ему помочь. Его через год выпустили, и он вскоре умер.

Ю.С.: То есть его не расстреляли, умер своей смертью.

Г.Б.: Но его покалечили.

Учеба в школе

Ю.С.: Понятно. Скажите, в школу вы там же пошли, рядом с этим домом?

Г.Б.: Да, там была школа, 312-я, куда я поступил.

Ю.С.: Что-нибудь о школе осталось в памяти? И в чувствах?

Г.Б.: Да, в школе все-таки было... Во время войны школа была интересна тем, что давали завтраки. Два дежурных ходили в буфет, на подносе приносили там по две конфетки, не то печенье, не то бутербродик. Но ребятня была отчаянная, поэтому они до своего класса обычно не доходили, а в коридоре кто-нибудь поддавал ногой поднос, все это рассыпалось, и кто успевал, тот...

Ю.С.: Вам же пришлось в двух школах учиться, наверное? Одна школа эта, где дом сотрудников, а вторая...

Г.Б.: Нет, школы были общие...

Ю.С.: Не в одной же школе вы учись?

Г.Б.: Да, сначала я учился, по-моему, где-то... в Армянском переулке, школа 644-я, там я начинал, а потом нас перевели в 312-ю, когда разделили, в 312-й я учился и кончал ее.

Ю.С.: Со школой в то время ведь было какое-то немыслимое количество экспериментов...

Г.Б.: Но как-то мы не замечали никаких экспериментов.

Ю.С.: То есть у вас не было бригадного обучения?

Г.Б.: Нет-нет. Обычная школа.

Ю.С.: А уровень школы приличный?

Г.Б.: Я не мог судить, насколько приличный, я помню, что была хорошая учительница литературы, очень приличный учитель математики, но остальных... по химии, по-моему, тоже была приличная преподавательница. Но, в общем, обычный уровень, какой характерен для столицы.

Ю.С.: А класс большой был?

Г.Б.: Тридцать или тридцать два человека, нормальный, все парты были заняты.

Ю.С.: А какие-нибудь отношения потом остались с кем-то?

Г.Б.: У меня было два друга. С одним я сидел за одной партой, а другой сидел рядом, поближе к доске. С ними мы сохранили дружбу на всю жизнь. Обоих уже нет.

Ю.С.: Кем они стали?

Г.Б.: Оба — инженеры-строители.

Ю.С.: Понятно. А скажите, пожалуйста, вас школа сильно занимала или все-таки основные интересы были вне школы?

Г.Б.: Особых интересов не было, приложить себя негде было, ни секций спортивных, ничего этого не было тогда, ни Домов пионеров... А, Дом пионеров был. Я, помню, ходил в исторический кружок какое-то время, изучали мы старую Москву.

Ю.С.: Понятно. То есть вы чувствовали себя в школе гуманитарием или трудно сказать?

Г.Б.: Математикой я не увлекался, но, в общем, вполне успевал. Пожалуй, да, тяготел больше к гуманитарным наукам — то есть какие там науки? — к литературе. Литературу я любил, много читал, умел вроде бы и говорить, и рассказывать, придумывать даже. Так что, в общем, был гуманитарный, конечно, уклон. Язык я изучал немецкий. Еще в детстве была у нас не нянька, а скорее бонна, старая немка, которая со мной говорила по-немецки, но я знал, конечно, какие-то примитивные вещи, а в школе начал читать по-немецки, и вполне успешно читал Гейне, Гете в подлиннике.

Ю.С.: А бонна с вами жила?

Г.Б.: Нет, какое-то время она была, но еще до войны. А после войны, конечно, ничего такого не было.

Ю.С.: А в каком году вы кончили школу?

Г.Б.: Школу я кончил в 46-м году. Или в 47-м? В 47-м.

Ю.С.: А... в комсомол пришлось вступить?

Г.Б.: В комсомол — да, приняли. Ну, тогда всех принимали... Естественно, куда ж без комсомола. Предупреждали заранее, что в институт не поступишь, если не комсомолец. Так что приходилось.

Ю.С.: Наверное, в вашем классе были ребята, у которых родителей забрали, или одного, маму или папу. Это как-то сказывалось?

Г.Б.: Нет, никто ничего не говорил об этом. Если у кого кого забрали, то все молчали и никто не спрашивал.

Судимость

Ю.С.: А вот жизнь в войну в Москве... Я так понял, до войны у вас уровень жизни был такой...

Г.Б.: Приличный.

Ю.С.: Не бедствовали.

Г.Б.: Да-да, всех родственников мы подкармливали.

Ю.С.: Даже так! Ну, а, прошу прощения, велосипед, коньки, лыжи — это было?

Г.Б.: Ничего этого у меня не было, я увлекался оружием.

Ю.С.: Каким?

Г.Б.: Огнестрельным.

Ю.С.: Ну, коллекционировали что — книги по оружию?

Г.Б.: Нет, само оружие. Это неприятная история, потому что кончилось это плохо для меня.

Ю.С.: В конце концов кончилось хорошо, потому что вы здесь.

Г.Б.: Кончилось хорошо, потому что, да, в конце концов. *(Смеется.)* Тогда оружия было полно. Когда на крыше поставили зенитки, всех жителей переселили на Мещанку. Там был большой двор. И в 41-м году, после разгрома немцев под Москвой, туда на грузовиках привезли трофеи. Свалили посреди двора. Там были пулеметы, пулеметные ленты от немецких пулеметов, какое-то оружие. Ну, все это накрыли брезентом, но мы, конечно, туда лазили.

Я помню, самая интересная забава была взять патрон и кинуть его в костер. Он там взрывался. Но одному парню оторвало кисть гранатой в результате этих упражнении. Так что с оружием я имел дело.

Ю.С.: А почему вы говорите, что плохо кончилось? Вы сами поняли, что надо с этим кончать или вас застукали?

Г.Б.: Меня просто продали.

Ю.С.: Продали?

Г.Б.: Продали, да. Стукнули. *(Смеется.)*

Ю.С.: И все ваше богатство пришли и изъяли?

Г.Б.: Ну, одним из моих богатств был прекрасный «вальтер». Сначала у меня был «парабеллум», потом «вальтер». У меня его мальчишки отняли, чужие. Потом он ходил по рукам. Потом кого-то прихватили, еще кого-то и начали копать. Накопали человек двадцать... И дошли до меня. *(Смеется.)*

Ю.С.: Ну, вы были чисты. Вы сказали: «Вот двор, вот лежит».

Г.Б.: Нельзя было. Помню, вызывали меня на Лубянку... То есть не на Лубянку... Возле сада Эрмитаж, Петровка, 38... И там большой кабинет, четыре стола, за каждым следователь со своей пачкой бумаг. Ну, и следователь начал листать эти самые фолианты, а сосед ему говорит: «Слушай, Вася, брось ты это дело, что ты с ними связываешься, с пацанами, отпусти ты их. Вот у меня дело было — пулемет утащили со станции пацаны. Ну, что я с ними буду делать? Списал я все, закрыл дело». А тот говорит: «Не могу, у меня уже двое сидят по этому делу. Не могу дело закрыть».

Ю.С.: Это могло кончиться гораздо хуже!

Г.Б.: Да. И кончилось. Дали мне три года. И по амнистии освободили.

Ю.С.: А был суд?

Г.Б.: Был военный трибунал.

Ю.С.: Но вы же были мальчишка совсем.

Г.Б.: Мне было двенадцать лет, когда это происходило, а суд был через полтора с лишним года или через два. Пока там это все разматывали. Ну, какая разница, с восьми лет расстреливать могли тогда! Вы не знали этого? Приказ был Сталина.

Ю.С.: Нет, не знал.

Г.Б.: А вот знайте.

Ю.С.: Вас арестовали?

Г.Б.: Меня отпустили в зале суда по амнистии, потому что амнистию объявили в связи с Победой.

Ю.С.: А до суда не арестовывали?

Г.Б.: Нет-нет. Места не было, все было забито. *(Смеется.)* Кампания начиналась такая, представляете!

Окончание школы. Поступление в вуз

Ю.С.: Да, это сильно! Скажите, вот Москва военных лет... Чувство голода. Холодов Владимир Николаевич, ваш ровесник, по-моему...

Г.Б.: Нет, он старше. Он на фронте был.

Ю.С.: В 43 году пошел на фронт.

Г.Б.: Да, а мне было к концу войны четырнадцать лет.

Ю.С.: Ну, значит, немножко старше. Понятно, что это чувство голода... Но с другой стороны — Александр Ефимович Шлезингер в конце войны жил около «Белорусской», где ипподром. Начались скачки, и он с удовольствием участвовал...

Г.Б.: Скакал или...? *(Смеется.)*

Ю.С.: Нет, играл.

Г.Б.: Вот как, это любопытно!

Ю.С.: Не он один, это школа, там из части помещений школы была видна... половина этого круга. А в школе учились дети наездников, конюхов. То есть это была совершенно живая жизнь. Ну, что вы летом делали? Приходилось как-то подрабатывать, ведь папа-то лежал?

Г.Б.: Он умер в 46-м году, вскоре после войны. Летом — даже трудно сказать... Просто болтались во дворе. Ехать некуда было.

Ю.С.: А до войны тоже в городе?

Г.Б.: Нет, до войны мы ездили в деревню, снимали комнату. Это по Савеловской дороге, станция «Турист», там несколько деревень было. Мы там снимали пол-избы и летом жили. Даже кур разводили, помогали. Ну, в лес ходили, естественно. Рыбу я ловил там в речонке с помощью корзинки: просто ставишь корзинку на дно, и потом кто-нибудь ботает...

Ю.С.: Да, загоняет.

Г.Б.: ...и вынимаешь. Самая вкусная рыба, которую я когда-либо пробовал. Такие маленькие кривяшки, которые не чистили, а просто жарили.

Ю.С.: Понятно. А скажите, пожалуйста, вот а брат жил с вами?

Г.Б.: Брата у меня не было родного, сестра...

Ю.С.: А, сестра, прошу прощения. Ну, сводная сестра...

Г.Б.: Нет, не сводная. У мамы был ребенок, который умер. А потом была моя сестра и я. Первый ребенок у нее умер.

Ю.С.: Ну, она жила с вами, все было благополучно?

Г.Б.: У нее была тяга к самостоятельности, она кончила курсы машинисток, устроилась на работу в какую-то лавочку, уже не помню, что-то связано с милицией. Потом уехала, как война кончилась, в Вильнюс, там несколько лет работала.

Ю.С.: Кончилась война, вы кончили школу, что-то надо делать дальше.

Г.Б.: Да, что-то надо делать. Я был преисполнен патриотических чувств и решил пойти в МВТУ и строить ракеты. Но в МВТУ меня не приняли по состоянию здоровья: не то переутомился тогда... не помню. Значит, куда дальше? Ну, думаю, пойду делать революцию на Ближнем и Среднем Востоке...

Ю.С.: То есть, в Институт восточных языков?

Г.Б.: В Институт востоковедения я подал документы. Мне сказали, что с такой биографией мы не принимаем...

Ю.С.: Но вроде биография была незапятнанная.

Г.Б.: Как же, а судимость? Самое главное это мое преимущество было. *(Смеется.)* Как только видят — все.

Ю.С.: Но ведь видно, что все это мальчишкой... Считалось?

Г.Б.: Да что вы! Вы просто мало пожили! *(Смеется.)* Но у моей матери были какие-то знакомые, одна из этих знакомых оказалась секретарша чуть ли не министра образования. В общем, позвонили в приемную комиссию... Да, я окончил с медалью школу, так что...

Ю.С.: О! Вы об этом не сказали.

Г.Б.: Ну, это мелочи. В общем, позвонили в приемную комиссию, приняли документы, но предупредили: мы вынуждены тебя принять, будешь учиться, но работу мы тебе не дадим и не надейся. Научим, а дальше сам договоришься. Но меня это нисколько не смутило. Тогда меня ничего не смущало.

Вот я и проучился пять лет в Институте востоковедения. В одной группе со мной был Сейфуль-Мулюков, который потом был комментатором, если помните. Но он не блистал. Другом моим был Валентин Александров, который был помощником премьер-министра, кого-то из этих, из «ближнего круга», забыл фамилию. Рядом был Юлик Ляндрес, который стал Юлианом Семеновым. Женя Примаков, он был курсом старше, был у нас секретарем комсомольской организации и, по-моему, тогда же в партию вступил. Примаков ведь в Тбилиси жил когда-то, и он носил френч, как у товарища [Сталина], и говорил с некоторым грузинским акцентом *(смеются)*, который иногда пропадал.

Ю.С.: Девочки-то были?

Г.Б.: Были, но не много.

Ю.С.: А что за атмосфера была в институте? Как вас учили, как вы учились?

Г.Б.: У нас была преподавательница арабского языка Алдо-Васильева, из Палестины. До революции она вышла замуж за сотрудника русского посольства. Он ее привез в Петербург. У нее было три дочери, а муж пропал после революции. Ее саму таскали в ГПУ, требовали, чтобы она призналась, что она шпионка арабская и так далее, но в конце концов оставили в покое. И вот она преподавала арабский язык. Она по-русски, естественно, говорила свободно, но что она пережила после революции, сказать даже трудно.

Были у нас преподаватели, которые работали в системе МИДа или Внешторга, потом проштрафились... У них называлось это «Кладбище слонов» (*смеются*): проштрафившиеся дипломаты и прочие сотрудники сидели на бумажной работе, а некоторые пошли преподавать в Институт востоковедения. Один из преподавателей, Султанов, когда-то посланник в Йемене, рассказывал много интересного о нравах, о событиях. Он был старой школы человек, пытался нам привить любовь к старому арабскому, не языку, а к старым нравам, давал читать старые письма, дореволюционные, египетских граждан друг другу, например. А главным преподавателем был у нас профессор Баранов, который написал словарь арабского языка, ученик Крачковского.

Ю.С.: Баранов — это такой классик у нас?

Г.Б.: Да, он издал словарь арабско-русского языка. Толстый, такой вот толщины. По-моему, лучше издания не было. Но язык...

Ю.С.: Прошу прощения, а что кушали? Стипендию платили?

Г.Б.: Платили повышенную за отличия в учебе.

Ю.С.: То есть, вы там тоже?..

Г.Б.: Да, преуспевал. Там же я изучал французский язык, английский немножко. Немецкий я и так знал. В диплом мне записали четыре языка.

Ю.С.: Ну, это, по-моему, такой институт, который требует только учиться, учиться и учиться...

Г.Б.: Да, и я этим занимался. Но помимо этого я еще много чем другим занимался. Я занимался борьбой...

Ю.С.: Секция в институте была?

Г.Б.: Нет, в «Динамо». Выступал на соревнованиях. Правда, это никакого отношения не имеет к нашей теме.

Ю.С.: Мне кажется, имеет, потому что это атмосфера жизни.

Г.Б.: Коли так, я продолжу. Как бы это только не затмило мое геологическое имя.

Ю.С.: (*Смеется.*) От вас зависит. Не затмит. Кто сегодня об этом может вспомнить и сказать? Как это услышать от живого человека! Вы себе представляете?

Г.Б.: Тогда придется рассказать о моих встречах с сильными мира сего. Не для хвастовства, а для осведомления потомков. (*Смеется.*) Не корысти ради!

Ю.С.: Ну какая здесь корысть! Корысти здесь быть не может. Ведь это институт такой, он готовил элиту советскую.

Г.Б.: Да. Этот институт ведь не существует больше.

Ю.С.: Как это — «не существует»? Всю жизнь существовал.

Г.Б.: Так, потому что, по-моему, через два года после того как я его кончил, его перевели в МГУ, там факультет организовали восточных языков, а потом часть студентов отправили в МГРИ, на геологов переучиваться.

Ю.С.: Хорошо. Институт-то ведь не простых инженеров готовил, он готовил советскую элиту.

Г.Б.: Ну да, действительно, тогда дипломаты считались элитой, потому что они...

Ю.С.: Они и сейчас считаются.

Г.Б.: Напрасно. Они уже, по-моему, ниже середины спустились. Сейчас совсем другая элита.

Ю.С.: Ну, ну в этом смысле — да.

Г.Б.: Во всяком случае, хлебное место считалось это, как же! Я переводами занимался, переводил даже стихи с арабского, правда, у меня был еще напарник, такой Саша Солоницкий, с которым мы в одной группе учились. Он имел склонность к стихотворчеству. И я делал подстрочник, а он это излагал уже в стихах. Но и поэты пользовались моими услугами. Не помню уж их фамилии, но были, которые специализировались на этом деле. Я в издательстве «Иностранной литературы» сотрудничал с ними. Они мне давали материал, я переводил.

Ю.С.: А этот институт, он же по своему статусу был какой-то околопартийный. Как там можно было учиться непартийному человеку?

Г.Б.: Все были комсомольцами, партийные были фронтовики, кто фронт прошел. Кирпиченко на два курса старше меня был такой. Очень скромный, незаметный парень. Ну, не парень, он был старше нас всех. Потом, когда я через три года встретил его в Каире, он был вторым секретарем посольства, особым секретарем, у него автомобиль был лучше, чем у посла. *(Смеется.)* А у других не было вообще.

А потом я случайно... у нас газета районная — каждый район выпускает газетенку для местных жителей. Я открываю ее, смотрю — Кирпиченко, оказывается, был начальником ГРУ. Он хорошо учился.

А потом мы с ним одно время работали вместе в Каире, он изучал местные диалекты. То есть он очень честно учился, и в общем был достойный человек.

Ю.С.: А скажите, какие-то практики были приняты?

Г.Б.: Ну что вы, какие практики в те годы! Это конец 40-х — начало 50-х. Никаких практик не было.

Окончание института. Работа инструктором по альпинизму

Ю.С.: Хорошо, институт вы кончили, опять же блестяще. Тогда полагалось всех распределять, тогда нельзя было не распределить. Хоть куда-то, хоть в колхоз, но нужно было распределить вас. Или как?

Г.Б.: Меня это не озаботило, потому что, не помню каким образом, меня предложили в Радиокomitee. И я там какое-то время проработал в арабской редакции. Мне отдали отдел писем, потом я и переводчиком был и даже диктором некоторое время, в каких-то постановках. Но недолго я там проработал, полгода примерно после института. Да! Сразу после института, кстати, я уехал в альплагерь — я работал инструктором по альпинизму.

Ю.С.: То есть, помимо борьбы еще альпинизм был?

Г.Б.: Альпинизм, горные лыжи. У меня разряд был, и я был инструктор по альпинизму. Что-то там до первого чуть не хватало.

Ю.С.: А как вы стали альпинистом? Расскажите об альпинизме, это же история культуры...

Г.Б.: История в истории. У нас курсом старше меня был такой Емельянов Валерий, немножко странноватый. На самом-то деле он был даже, я бы сказал, тронутый, но энтузиаст и фанатик лыж, альпинизма. Он организовал секцию, потому что можно было получить путевку от «Науки» в альплагерь

«Алибек» и на сезон туда отправиться или на одну смену — смена была двадцать дней, а иногда бывало можно было даже на две смены. Ну и я заинтересовался, потому что тяга у меня была к путешествиям. Несколько человек начали ходить в походы. Потом мы сняли избу в деревне, не избу, а комнату в избе. На зиму, где держали горные лыжи. И он говорит: «Давайте, надо на горные лыжи вставать, а то...»

Ю.С.: В «Туристе», да?

Г.Б.: В «Туристе». Там в каждой деревне лыжники обретались, потому что там горки были везде. Ну, мы снимали угол, лыжи там оставляли, и когда не на лыжах, он нам показывал, а потом — кругом люди катаются. В общем, на лыжи мы встали. А как-то мы поехали Новый год там отмечать, и, разогревшись, вышли на двор. В соседней избе другая компания была, геологов. Мы пересеклись и слились в одну компанию — востоковеды и геологи. И так это укрепились, мы уже вместе ходили в походы. И в альплагерь ездили вместе...

В горы-то я впервые попал тоже по случаю. Еще когда в школе учился. Мой двоюродный брат был тоже любитель путешествовать. Он старше меня, и он учился в Институте международных отношений. Он говорит: «Давай-ка поехали на Кавказ, самостийно». Мы купили билеты — по-моему, рублей двадцать стоил билет или около того. Наскребли с трудом эти деньги и приехали в Минводы, отправились по Военно-грузинской дороге почти что пешком и дошли до Эльбруса. Селение, по-моему, так и называлось — Эльбрус, и решили пойти на Эльбрус, раз мимо проходили, раз он рядом.

” И в чем были, в том и пошли на Эльбрус. Дошли до «Приюта». Там нас остановили, говорят: «Ребята, вы что? Вы в тапочках! Там же снег! И без ничего — как были, рубаха и пиджачок — вам туда нельзя, мы вас не пустим!» Ну мы погоревали, но остались, переночевали у них и спустились вниз.

А они нам говорят: «Мы скажем, что вы дошли до „Приюта“». Там, внизу у нас спасательная служба, вы зайдите к Анзору или еще кому, скажите ему, от нас привет». Мы зашли, он говорит: «Ну что, вам справку дать?» Мы говорим: «Давай». И он мне написал: «Такой-то такой-то взошел на Эльбрус». *(Смеется.)* И с этой справкой я поехал впервые в альплагерь. Да, и значок нам дали еще. Записали меня сразу в группу значкистов. Пошли мы в гору с ледорубами, а я не знал, что с ним делать, с этим ледорубом. *(Смеется.)* Потом смотрю: ребята его надевают на руку, ну, и я тоже так сделал. И так я получил третий разряд, а дальше уже пошло, поскольку я лазил хорошо, меня всегда пускали первым, я залезал, страховку... принимал всех, это уже профессионально получалось. Мы, кстати, летом или весной ездили в Царицыно, там лазили по развалинам... И там кто-то наверху стоял...

Ю.С.: И я лазил по развалинам. Весь Дворец пионеров лазил по развалинам.

Г.Б.: Да, я лазил, ну, не как обезьяна, но близко. *(Смеется.)*

Ю.С.: Вы несколько сезонов в альплагерь ездили?

Г.Б.: Ну конечно! Я был в «Алибеке», потом в «Металлурге», потом мы ездили в Среднюю Азию, в Душанбе, местные горы осваивали, давали им названия свои и описывали маршруты. Я еще на этой альпинистской стезе познакомился с ребятами из МГУ, они организовывали собственные экспедиции, и они меня завербовали на Тянь-Шань. Но мне надо было летом выбирать: или я на Тянь-Шань еду, или в военный лагерь, чтобы получить звание лейтенанта, для этого надо было сборы проходить.

Ю.С.: Это все было во время института, вся эта эпопея?

Г.Б.: Да-да, во время института. В общем, на Тянь-Шань я не попал, и вся эта экспедиция или часть ее погибла...

Ю.С.: А имена ребят, с кем вы занимались альпинизмом, помните, — которые стали альпинистами?

Г.Б.: Да, но это уж больно давно было. Из стариков, которые с нами, конечно, не ходили, это отдельная группа Абалакова. Кизель, Миклашевский, еще кто-то... В одном лагере мы были. Естественно, самый знаменитый был у нас Абалаков. Такой, небольшого росточка.

Ю.С.: Рюкзак абалаковский помню, четырнадцать рублей. До сих пор у меня...

Г.Б.: Да, рюкзак абалаковский. У меня что-то даже оставалось, «кошки» даже я привез домой, с «усами» впереди... То есть полазил я изрядно. И приключения у меня там были несколько раз такие, весьма, скажем, сомнительные. Один раз в трещину провалился.

Ю.С.: На веревке или без?

Г.Б.: Веревка была, но она не пригодилась. Я как-то инстинктивно...

”

У меня в руках был ледоруб, и я... Подо мной карниз обвалился, и я по инерции вперед пролетел и клювом ледоруба воткнулся в склон, в противоположную стенку трещины. Внизу, подо мной — метров сорок, вода там шумит, — водопад.

Ю.С.: Ну, то есть вас вытащили?

Г.Б.: Я сам. Подтянулся. Ребята, впереди кто был и сзади, оба воткнулись в снег. Веревка-то была, я был средний. Я впервые в жизни подтянулся на одной руке, ногу закинул выше и сумел выбраться. Поскольку занимался борьбой, я был гибкий и сила была. То есть я обе ноги мог положить за голову, а ногой мог взять куриную косточку и кушать. *(Смеется.)* Сейчас уже не могу.

Ю.С.: Развлекались вы!

Г.Б.: Да, развлекались. Даже где-то это снимали на пленку.

Ю.С.: Ну, хорошо. Окончили институт, что дальше? Радиокomitee. Ой, прошу прощения, забыл сказать: обычно люди в институте женятся. У вас это получилось или нет?

Г.Б.: К сожалению да. То есть нет, не к сожалению. *(Смеется.)*

Ю.С.: В институте или в этой смешанной компании?

Г.Б.: В институте я женился. Она моя одноклассница. То есть женился я чуть позже, но учились вместе. Да, так потом дело пошло. Мне мои друзья говорят... Да, после института я сразу же попал в Дамаск на промышленную выставку. Международная промышленная выставка была в Дамаске, и мне предложили туда поехать переводчиком.

Ю.С.: Ну, то есть, вам «волчьего билета» не дали, как обещали?

Г.Б.: Нет, не дали. Пришел запрос. Кого посылать? Меня и послали. Я впервые попал в заграничную поездку. Оказалось, что языка я не знаю и не понимаю, потому что там не на том языке говорят, на котором нас учили, а на своем диалекте. Но, в общем, освоился довольно быстро. Я понял, что на фоне всей этой техники, которую я должен был там представлять, вернее, переводить... Там у каждого стенда был инженер, а я должен был объяснять публике, что это такое, для чего, как и почему. Какие-нибудь фрезерные станки — я, естественно, ничего в этом не понимал, а приходилось что-то говорить, как-то изворачиваться.

Похороны Сталина

Ю.С.: Это какой год был?

Г.Б.: 54-й.

Ю.С.: То есть Сталин уже умер? Это событие тоже надо как-то [осветить].

Г.Б.: Событие... Я тут же пошел, естественно, проводить в последний путь товарища Сталина... (53-й год — это я еще учился в институте.) Прошел по улице Дзержинского, дальше Кисельный переулок, который идет вниз, и дальше уже Трубная площадь. Я иду, и толпа народа вместе со мной. И там Рождественский монастырь, в котором мой двоюродный брат жил, там двухэтажные домики. Мы, кстати, первые месяцы, когда Москва опустела, и мой двоюродный брат с матерью уехали, в их квартире какое-то время жили. И когда начались холода, у них там был шкаф, забитый книгами. Когда из монастыря все выбрасывали, тетка моя подобрала пуда два книг. Там были, по-моему, томов пятнадцать «Жития святых», и мы ими топили печку, чтобы не замерзнуть. Так вот, я смотрю оттуда, сверху, на Трубную площадь и вижу, что народ давится. Сверху, с бульвара течет человеческая река, и с Неглинки, и это все прессуется, начинает прессоваться. Видно, что выхода нет из этой чаши, а народ все прибывает. И я понял, что дальше не пойду. То есть на самую Трубную-то я не попал, остановился там.

Ю.С.: Понятно. Вы ходили один или компанией?

Г.Б.: Один. А тот парень, который у нас организовал альпинистскую секцию, Емельянов, — он пошел. Надел ботинки с триконями, и ему все уступали дорогу. *(Смеется.)* Дошел.

Ю.С.: Остался жив?

Г.Б.: Да. Но кончил он плохо. Это в другом смысле уже.

Работа в Дамаске. Суэцкий конфликт

Ю.С.: Хорошо. Вы в Дамаске.

Г.Б.: Пробыл я там два месяца. Там первый инцидент у меня произошел: переводчиков было всего двое, и, в общем... Там стоял стенд с винами грузинскими, еще какими-то. И был ширпотреб непотребный какой-то. *(Смеется.)* Много чего там было. То есть это был огромный павильон, и я там шастал, и меня все тягали. Я утром прихожу, ко мне рабочие подходят, говорят: «Где нам взять гвозди, где молоток?» Я там узнал хоть, как все это называется по-арабски, много чего узнал. Ну, и так с диалектом с этим свыкся, начал уже понимать и говорить. Помню, подошел ко мне священник в белой одежде, на чистом русском языке говорит: «Я до революции на Крутицком подворье учился». Мы там угощали папиросами туземцев, и смешно было, что они брали не тем концом папиросу... *(Смеется.)* И только один человек взял правильно — шейх Кувейта: повертел и взял как надо.

А потом там был инцидент, в общем, обычный: не то воры забрались в павильон, — ночью тревога произошла. И врывается ко мне кто-то из наших инженеров, говорит: «Давай, одевайся, поехали, там задержали какого-то мужика, полиция приехала, протокол требуют составить». И внизу стоит уже джип с полицейскими. Они со мной садятся, едут, начинают допрашивать, что, кто, чего. В общем, разобрались, этого мужика уволокли. А потом приходит ко мне товарищ, специальный товарищ, который наблюдал за порядком, и говорит: «Ты не имел права разговаривать без разрешения посольства с местными властями. Как же так? Ведь ты же подписывал...» И меня в двадцать четыре часа... Причем мне предлагали после института пойти преподавать в Военную академию арабский язык, а после этого инцидента...

Ю.С.: Ну, это же понятно: вас позвали, вы не виноваты...

Г.Б.: Нет-нет, никаких объяснений, никаких. Все без толку.

Ю.С.: То есть это не было подстроено?

Г.Б.: Подстроено ничего не было, нет. Кстати, очень неприятный был тип, который за всеми следил. Но потом, когда уезжали уже — выставка еще недели две продолжалась — у него у единственного украли чемодан.

Ю.С.: Бог есть.

Г.Б.: Друзья мои, альпинисты и геологи, говорили: «Плунь ты на это востоковедение и иди к нам». Ну хорошо. Я поступил в Заочный политехнический институт на горное отделение. Экзамены мне с медалью сдавать не надо было. Пришлось мне там преодолевать высшую математику, интегральное и дифференциальное исчисление, детали машин и так далее.

Ю.С.: Это то, что потом называлось ВЗПИ?

Г.Б.: Да, ВЗПИ.

Ю.С.: А жили в это время где?

Г.Б.: Жил дома. У нас уже тогда не было своей квартиры, была уже коммунальная квартира — как отец умер, к нам, естественно, подселили людей. Поступил я в Заочный и тут началась Суэцкая война. Взаимные заявления, что «мы вам покажем!», «пошли вон из Египта!» и так далее. Мобилизация, и мне одна дорога — туда, на фронт.

Ю.С.: И что, вас мобилизовали?

Г.Б.: De facto нет. Но...

Ю.С.: У вас же глаза!

Г.Б.: Глаза тут не нужны, кроме того я стреляю хорошо. Получилось так, что в Каире в посольстве нет переводчика, а мой шеф бывший — заведующий редакцией в Радиокомитете — был назначен туда советником. И он мне предложил туда поехать: «Все равно без тебя не обойдутся: или будешь в войсковой части где-нибудь, или давай ко мне в посольство». Я согласился. Еще до этого — как я поступил в ВЗПИ, я уволился из Радиокомитета и меня взяли в ГИН на временную работу коллектором, и отправились мы на Колыму на четыре месяца. Марина Соколова там была начальником партии.

Ю.С.: Ну то есть вы уже знали, что можете пойти в ГИН.

Г.Б.: Да, компания была геологическая, из ГИНа был Каментовский, который в Новосибирск потом уехал, кто-то еще... Как раз Каментовский меня и порекомендовал — им нужен был человек, который может таскать тяжести, охотиться, плавать и все прочее. И вот я на четыре месяца туда отправился.